

Маме и папе

Простите –
Моя душа здесь с Цезарем во гробе.
Пока я с ней в разлуке, замолчу.

*Уильям Шекспир.
Юлий Цезарь, акт III, сцена 2
(пер. А. Фет)*

Пролог

С тех пор как мы завели традицию обмениваться нашими дневниками, я пишу с мыслями о тебе. Ты как будто восседаешь где-то высоко на галерке моего сознания. Я слышу тебя. Интересно, всегда ли так будет. Будет ли все, что я смогу написать, эхом тебя.

Надеюсь на это.

Возможно, если я опишу все произошедшее с нами за последний год, то тогда осознаю, что же произошло. Пока я притаилась в закутке между Рождеством и Новым годом, и жизнь затихла. Мне нечего было делать, да я ничего толком и не могла делать, кроме как писать. Это помогало, как всегда. Соприкосновение стержня ручки с бумагой замыкало во мне электрическую цепь, соединяя голову с сердцем, отождествляя меня сегодняшнюю с той, кем я была год назад.

Последние двенадцать месяцев приходят ко мне в снах в образах морской воды и запаха загара на коже. Высвечиваются всполохами: любимое созвездие, моя голова на чужих подушках, театр, теплое тело, прижавшееся к моей наготы. Я перескакиваю от пейзажа к пейзажу: поля и утесы сменяются городскими огнями, мерцающими в сумерках. Вереницы домов. Круговерть комнат. Наше веселье.

Воспоминания ранят. Я переворачиваю один камень, а под ним нахожу множество других, и под каждым оживают события далекого прошлого. Происшествие нескольких месяцев давности рождает другое или сразу несколько более поздних, которые предстают передо мной с такой ясностью, что у меня перехватывает дыхание. И я пишу. И каждая картина, всплывающая в моем сознании, с предельной ясностью указывает на неизбежность надвигающейся катастрофы, что в конечном итоге и произошло.

Из моего окна видна трепещущая на ветру дикая яблоня. Иногда яблоню навещает малиновка, и я вынуждена отрываться от своих воспоминаний. Птица смотрит мне в глаза, и я чувствую что-то родное, что-то радостное. И я возвращаюсь к своей писанине с обновленной решимостью.

1

Я арендовала душную мансарду в доме практикующего психотерапевта в Северном Лондоне и работала няней в семье, которая проживала неподалеку. На работу и с работы я ходила пешком. Каждую пятницу по пути домой я покупала в местном гастрономе итальянскую шоколадку, ту, у которой под оберткой спрятано предсказание, отпечатанное на полоске вощеной бумаги. Лакомясь шоколадом, я затевала переписку с друзьями, строя планы на вечер. У нас каждый день что-нибудь да намечалось, а если вдруг нет, мы делали все, чтобы это исправить: устраивали купание при луне в пруду Хэмстида, затевали пикник в парке, который заканчивался часа в четыре утра в среду в каком-нибудь неизвестном ночном клубе.

Но это было неважно, ничего не имело значения.

Вернувшись в свою захламленную конуру, я спешила сменить подчеркнуто благообразный наряд няни на что-нибудь созвучное предстоящей ночи. Обувь должна была соответствовать тому стремительному ритму, в котором проходили наши увеселения. Но кроссовки исключались — на всякий случай, так как в некоторые заведения города в кроссовках не пускали. Такие места были рассчитаны на богатую и знаменитую публику, но время

от времени нам удавалось просочиться вместе с толпой, и мы всегда стыдились своего мелкого мошенничества, когда симпатичная администратор (которая исподтишка приторговывала кокаином) вносила нас в список гостей. Зато, преодолев все препоны, вы попадали в другие миры. Это могла быть обстановка величественного загородного дома: массивные полки, заставленные книгами, дровяные камины, роскошные обои по сотни фунтов за квадратный метр. Или же перед вами открывалась зала флорентийского палаццо, где загорелые хипстеры курили вейпы, собравшись вокруг фонтана. В другом месте вас встречал благоухающий сладкими ароматами разнообразных растений восточный риад или вы оказывались в подпольном баре прямиком из 1930-х. В крайнем случае вас ожидал подвал, залитый золотистым светом неоновых ламп, где вы запросто могли оказаться за соседним столиком с восходящей поп-звездой. Такие заведения работали круглосуточно, и я просто ненавидела уходить оттуда. И когда танцевальный марафон, начавшийся еще в предзакатные часы, приближался к полудню, можно было переместиться в ближайший ресторанчик, чтобы позавтракать и провести несколько часов, пролистывая свежие газеты, похрустывая тостами. Но тут, как правило, объявлялся кто-нибудь из знакомых, а это минус еще несколько часов за кофе со сплетнями. В конце концов вы решаете заказать чего-нибудь поесть, а там не успеваешь оглянуться — приходит осознание, что пора бы и выпить.

Бесконечные выходные — подобный образ жизни стал для меня абсолютно естественным. Таким было и прошлое лето в Корнуолле: круговерть гедонизма в тесной компании друзей. Там никто никогда не оставался в одиночестве, даже если принимал ванну. Кто-нибудь приходил и присаживался на край ванны, про-

ливал в воду импровизированные коктейли и трепался в ожидании своей очереди освежиться. Время утратило свою власть. Казалось, солнце, едва успев закатиться, вновь появлялось над горизонтом. Сон перешел в разряд дополнительной опции. Никто толком не знал, какой сейчас день недели.

В городе жизнь летела стремительно. Времени в обрез: за удовольствиями нужно охотиться и, выследив желаемое, немедленно хватать его. Если медлить, оно ускользнет, ведь эти редкие мгновения эйфории невозможно наколдовать из пустоты, для этого должна вызреть особая атмосфера. Можно размалевать физиономию, обвеситься драгоценными побрякушками и выйти в свет, бурля желаниями и решимостью, но, если атмосфера не вызрела, все будет напрасно. Вы будете громко смеяться, хлестать алкоголь или закидываться чем похлеще, пытаясь оживить ночь, но это не работает. В конце концов вы, подобно призраку, исчезающему с первыми солнечными лучами, вернетесь домой.

В канун Нового года образуется сгусток энергии. Ее так много, что в любой момент ситуация может выйти из-под контроля. Она как ядерная реакция — взрывоопасна, если ее не распределить правильно. Возможно, поэтому мы тусуемся все вместе или прячемся друг от друга, пытаясь умирить эту энергию.

Мне повезло: я не отлучалась из дома с самого Рождества — одно сплошное безделье. Мои друзья оказались менее удачливы — им пришлось ходить на работу. Офисы не терпят бездельников. Закончив трудовой день, мои неудачники первым делом мчались ко мне в берлогу, где я во фланелевой пижаме, включив обогреватель почти на максимум, развлекалась писаниной, периодически прерываясь на перекус. Они так радовались нашей встрече,

эти мужественные эмиссары реального мира, появляясь томимые жаждой, с распахнутыми воротниками.

Найл заявился с шампанским. Мила присовокупила четыре косячка, скрученных аккуратными трубочками. Вскоре должна была подтянуться Джесс, она занималась пиаром вечеринки, которую устраивал лондонский еженедельник «Лайн», и ей нужно было присутствовать там хотя бы какое-то время, чтобы потом, улучив удобный момент, незаметно улизнуть.

Найл и Мила, как обычно, флиртовали, прикрываясь взаимными оскорблениями.

«Столько денег вбухано в твое образование, Найл, а ты так и не научился распознавать сарказм».

Найл был самым старшим среди нас. Ходил на скучную высокооплачиваемую работу и бескомпромиссно щедро распоряжался своими доходами. У него были несколько старомодные манеры, и он одинаково общался как с двухлетними детьми, так и со стодвухлетними стариками. Он разбирался в кредитных ставках и с легкостью мог поменять колесо на автомобиле. Такого персонажа приятно было иметь в команде.

Пока я причесывалась в ванной, мы разминались шампанским. Хихикали и сплетничали о тех, кого можем встретить на тусовке. Попутно разрабатывали пути отхода на случай, если нарвемся на нежелательных знакомых. Таких, как Сильвия — пухленькая, в общем-то, весьма милая девушка, днем официантка, по вечерам — поэт, но уж если она сядет вам на уши, то единственное, что вы почувствуете, так это то, что все веселье проходит мимо вас. Правда, есть еще более утомительные собеседники: не задав вам ни единого вопроса, они уже всем своим видом показывают, как вы им осточертели. За такими снобами идут перебравшие кокса девицы и пожилые мужики с плохими шутками и дурным запахом изо рта.

Традиционно за пять минут до выхода меня посетило привычное желание остаться дома. В комнате было жарко. Шампанское в моем бокале нагрелось и приобрело кислотоватый вкус. Подступившая апатия подхватила меня под руку, приглашая скинуть неудобные туфли на высоком каблуке, стянуть лифчик и влезть во все еще теплую фланелевую пижаму. Воодушевленный междусобойчик Милы и Найла вызывал у меня чувство одиночества и горечи. Но я боялась сказать им, что хочу остаться, это обломает их. И Мила просто убьет меня. А Пэдди, увидев, что наши влюбленные заявили без меня, внесет мое имя в черный список и больше не будет никуда приглашать. Я не могла этого допустить. Подчинившись приливу воодушевления своих друзей, я выползла на улицу и, глотнув ледяного воздуха, вновь ощутила зов надвигающейся ночи.

Где-то в стороне брызнул одинокий преждевременный салют. Мы припустились во всю прыть, раскурив на ходу один из душистых косячков Милы, и, передавая друг другу, постарались прикончить его до того, как погрузиться в духоту станции Северной ветки. Все пассажиры были разодеты и возбуждены. Мы разговорились с компанией девушек, чья благопристойность болталась на нескольких ниточках с блестящими пайетками.

— Едете смотреть салют?

— Нет, просто семейные посиделки.

На улице все еще работали кофейни, распространяя ароматы кофе и мускатного ореха. Взявшись за руки и распевая «Я настроена танцевать»¹, мы двинули по Холлоуэй-роуд. Найл одарил бездомного пятаком и па-

¹ *I'm in the Mood for Dancing* — сингл ирландской поп-группы The Nolans Sisters. (Здесь и далее примечания переводчика и редактора.)

рой новых носков (он всегда имел при себе купленные для этой цели носки: «Это так дико — не иметь свежих носков»).

Пэдди открыл дверь со словами: «Блядь, ну наконец-то вы пришли». Он был актером и заметно отличался от других наших знакомых лицедеев, обычно замкнутых и пришибленных, оживающих только в момент выхода на сцену. Пэдди всех нас расцеловал и впихнул в квартиру, словно мы беглецы какие.

— Ханна заставила меня притащиться сюда еще в обед, ей на подмогу, — пожаловался он.

Ханна, наша хозяйка, училась в одной школе со мной, Милой и Джесс и сейчас работала художником-декоратором. Она, можно сказать, взяла Пэдди под опеку сразу после того, как познакомилась с ним на праздновании восемнадцатилетия Милы.

Пэдди первым делом раздал всем креманки с игристым розовым вином.

— Джони! — воскликнул он, удерживая меня на расстоянии вытянутой руки. — Вот это платье! Я б такое позаимствовал. Ребята, давайте скидывайте пальто — гардеробная в спальне наверху, та, что слева.

Мы оставили Найла потрещать с Пэдди и пошли раздеваться. Поднимаясь по лестнице, окинули взглядом, что делается в гостиной.

Только мы вошли в спальню, как кто-то влетел вслед за нами и захлопнул дверь — Джесс. Обняв нас, она плюхнулась на кровать и засыпала нас вопросами о том, как мы провели Рождество, как наши семьи, и, не дожидаясь ответов, вывалила свои новости.

— Я разругалась с мамой в пух и прах! Опять эта шарманка про то, что у меня никого нет. Она просто не может с этим смириться.

— О господи! — вырвалось у меня.

— Вот и я о том: мама, расслабься, мои часики дотикали только до полудня.

— Моя такая же, — добавила Мила и продолжила, виртуозно подражая нигерийскому акценту своей матери: — «Когда ты найдешь себе хорошего парня и прекратишь страдать ерундой?»

Мы с Джесс рассмеялись.

— Эх, ладно, — отмахнулась Джесс. — Я припасла улетную кислоту с лайновской тусовки. Давайте закинемся.

Каждый год на следующий день после Рождества родители Ханны улетали в Малагу, и весь январь дом был в нашем распоряжении. Ханна успевала переоборудовать все под нескончаемую вечеринку, а затем вернуть все обратно и навести образцовый порядок. Ее новогодние тусовки пользовались популярностью: двери были открыты для всех желающих, алкоголь лился рекой. Поговаривали, что Ханна потратила целых два дня на подготовку дома к вечеринке, убирая с глаз все ценные вещи и украшая комнаты в соответствии с темой, которую она выбрала еще несколько месяцев назад. В этом году Ханна превзошла саму себя. Сад освещали китайские бумажные фонарики красного цвета и керосиновые светильники. Весь дом благоухал легкими ароматами сигаретного дыма и нарциссов, которые были расставлены по всем подоконникам и каминным полкам в стеклянных молочных бутылках. Создавалось впечатление, что все пространство залито золотистым светом, играющем на всех предметах и лицах гостей. Ханна всегда подшучивала, что на свои вечеринки она приглашает людей исключительно приятной наружности, что было шуткой лишь наполовину. На самом деле допускались и двойные подбородки, и одутловатость от праздничного обжорства, но все были красавцы — в своих лучших нарядах из шелков и кожи.